

ФЕНОМЕН ЕВРАЗИЙСТВА КАК ПОИСК ГАРМОНИИ

Евразийство как особое явление XX века в русской философской мысли рассматривается достаточно широко. Изучением данного явления занимаются философы, историки, культурологи, социологи, политологи и – те, кому не безразличны пути развития России-Евразии. Имея в виду разные точки зрения, представляется возможным рассмотреть феномен евразийства в культурно-эстетическом аспекте, выделяя особую гармонизирующую силу, необходимую для преобразования несовершенной действительности, для достижения полноты социального бытия человека.

Ключевые слова: феномен евразийства, Россия-Евразия, Восток, Запад, гармония, «симфоничность», «музыкальность».

Повсеместное распространение сугубо «технологического» мышления, склонного отрицать традиции, стремление к грубому прагматизму создает благоприятные условия для всеобщей и беспощадной конкуренции, как следствие, порождая социальную жестокость, насилие, страх и недоверие к окружающему миру. Обращаясь к эстетическому знанию, такое состояние наиболее полно выражается через категории безобразного и дисгармоничного. Что же может противостоять этой тенденции? Конечно же, неистребимая тяга человечества к Добру, Красоте и Истине.

На фоне современности становится все сложнее понять современные процессы взаимодействия культуры и искусства. Если сегодня культурологи говорят о кризисе в культуре, более того, высказывается мысль об «уходе» культуры с исторической сцены и наступлении чего-то иного, обозначенного как посткультура, постчеловек, радикально меняющей ситуацию, за которой может последовать либо возрождение, либо апокалипсис [1, с. 315], то нам бы хотелось отметить то, что, несмотря на общие пессимистические ощущения и настроения, воля к жизни, к свету, к поиску нового всегда присутствует и находит свое выражение в рождении нового мироощущения и мировосприятия.

В русле обозначенной тенденции возникает проблема духовного взаимодействия, взаимообогащения и постепенной интеграции существенно и во многом искусственно разобщенных социальных общностей. В частности, интеллектуальная общественность России неустанно ищет возможности третьего пути развития после многолетнего опыта советского коммунизма и десятилетия не вполне удачно сложившейся демократии. В этих условиях субъектами духовного взаимодействия все в большей степени становятся

не отдельные государства, а цивилизации как крупные культурно-исторические системы, из которых складывается многополярный мир.

Для современного российского общества характерен интенсивный поиск новой национальной идеи, как следствие это вызывает бурный рост и развитие самых различных идейно-политических течений. Крайне острые политические разногласия, разрушающие гармоничное единство общества и человека, привели к обращению и переосмыслению идейного наследия конца XIX-XX веков. Рубеж XIX-XX веков был временем, когда перед российским обществом встала сложнейшая задача осмысления происходивших в стране изменений, связанных с модернизацией. В тех условиях важно было понять, на каких жизнедеятельных основах можно было решать стратегические задачи, а также проблемы выхода страны из кризиса, коснувшегося всех сфер жизни.

Схожая обстановка того времени с днем сегодняшним и послужила важным фактором для возрождения фундаментальных идей евразийства как особого феномена развития русской философской мысли XX века, способного стать альтернативным вариантом для будущего современной России.

Поставленные евразийцами еще в 20-е годы XX века проблемы выбора самобытной социальной и культурной стратегии для России, обращение к социально-онтологическим основаниям культуры, выделение первостепенного значения ценностно-мировоззренческого потенциала российского менталитета, обращение к культурно-эстетическому пространству, поиск новых смыслов в основах искусства и многое другое оказались крайне актуальны для сегодняшней действительности. Обоснованием популярности евразийства также может по-

служить идея России как самодостаточного целостного культурного мира, подсознательно исповедуемая большинством населения страны. В этой связи отдельные аспекты евразийства становятся востребованными на современном этапе развития духовной мысли в России.

Известно, что евразийство как духовное движение возникло на основе русской религиозно-философской мысли в среде русских эмигрантов, оказавшихся за границей после революции 1917 года. Объектом глубокого осмысления становится культурное наследие Отечества. Идейными основателями рассматриваемого движения стали Н.С. Трубецкой – один из известных лингвистов, филолог и культуролог; П.Н. Савицкий – экономист и географ; Г.В. Флоровский – религиозный философ и священник; П.П. Сувчинский – публицист и композитор. В 1923 году к ним примкнул философ Л.П. Карсавин. В августе 1921 года в г. Софии вышла в свет коллективная монография под общим названием «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев», эта дата стала хронологической точкой отсчета возникновения евразийского движения.

Однако еще в 1914 году композитор А. Лурье в России издает манифест «Мы и Запад», где прослеживается предъевразийское настроение, выразившееся в переосмыслении и переоценке России и Запада в области искусства. В данном манифесте у А. Лурье выделено: «Европу в ее творческих исканиях постиг кризис, внешне выразившийся в обращении к Востоку. Не во власти Запада постижение Востока, ибо первым утрачено представление о пределах искусства. Европейское искусство архаично, и нового искусства в Европе нет и не может быть, т. к. последнее строится на космических элементах. Все искусство Запада территориально. Единственная страна, доселе не имеющая территориального искусства, есть Россия» [2, с. 161].

Яркой и своеобразной особенностью евразийства стало выделение в качестве положительного начала азиатских элементов в русской культуре. В 1917 году эту идею четко выразил А. Лурье в своей публичной речи в Баку: «Нам бесконечно враждебны те, кто утерять все свои права на стихийную органичность и свежесть азийского восприятия в его высокой мудрости и вечной детскости, в его жертвенном отношении к творчеству как к акту мировой воли.

Аспект России, понятый в его азийском раскрытии, – вершины, чаша мудрости и неизбывной красоты. Азия – в пленительных и тонких снах юношей-артистов нашей земли – станет светлым заветом, надеждой заповеданной России, и золотое утро нашего воскресения, в освобожденных городах и весях, мы вновь говорим о самобытном искусстве русской земли» [2, с. 165].

Учитывая предъевразийское настроение, волю к жизни и процветанию России евразийцы видели в развитии азиатских элементов в русской культуре. В пробуждении скифского органического начала, «коллективистской стихии», подчиняющейся единой твердой руке, виделось нестандартное развитие России. Таким образом, мы отмечаем в евразийстве сознательную и активную ориентацию на Восток как источник духовного, социального и культурного обновления. В такой идеологической установке Россия переименовывается в Евразию, как знак признания духовного родства с Азией.

В духе данной направленности во главу внимания евразийцев становится вопрос о влиянии монголо-татарского ига на ход русской истории и культуры. Существующая односторонняя отрицательная оценка данного вопроса не принимается. Особого внимания заслуживают выводы евразийцев о том, что монголы были наследниками древней евразийской культуры, что их терпимость стала одной из основ взаимовлияния русской и восточной культур. Так известно, что армия Чингисхана не отличалась однородностью религиозного вероисповедания. Н. Трубецкой по этому поводу пишет следующее: «Наследие Чингисхана неотделимо от России. Хочет Россия или не хочет, она остается всегда хранительницей этого наследия и вся ее историческая судьба этим определяется» [3, с. 219].

Понятие культуры разрабатывается евразийцами в самом широком аспекте, характерной особенностью чего стало усиление мировоззренческого и аксиологического моментов. Переосмысление культурного наследия привело к созданию оригинальной теории культуры, в разработке которой кроме Н. Трубецкого, П. Савицкого и Л. Карсавина приняли активное участие деятели художественной сферы. Среди них особо выделяются композиторы и музыканты: П.П. Сувчинский, А.С. Лурье, В.А. Дукельский, И.Б. Маркевич, А.Н. Черепнин, С.С. Прокофьев, И.Ф. Стравинский и другие.

Под «евразийством» в русском музыкальном сознании мыслилась перемена не в свете господства картезианского разума, а как «восстановление баланса между телесным, стихийно-импульсивным, биологическим и интеллектуальным, формирующим», как у Н. Трубецкого, считавшего, что иконопись представляет собой «истонченную телесность», указывающую на «сверхбиологический смысл жизни» [2, 141]. В искусстве по-евразийски должно произойти освобождение дорационального энергетического заряда «стихийных, моторно-движущих» сил, сливаясь с коммуникативной мелодической речью, что потребовало бы в творческом процессе максимального вдохновенного напряжения творца. Лурье понимал такой акт как «философию в музыкальном обличье, т. е. прорыв от телесности к умозрению».

Для Дукельского это было равносильно голосам подсознания, что сближало его с Сальвадором Дали. Евразийская трансформация русской музыки, по Лурье, предполагала некую практическую альтернативу культурной модернизации: модернизм опирался на сознание как разум, евразийцы представляли сознание как гармонию мыслительных и телесных функций. Мироощущение музыкальных евразийцев выходило за пределы собственно искусства. Их эстетическая программа носила мировоззренческую ценность.

Мы отметим, что евразийские идеи в художественной культуре проявились как сосредоточенность эстетической мысли музыкальных деятелей-эмигрантов на истоках русского искусства, на характерном для России-Евразии вращении друг в друга искусства и политики. В данной культурной сфере демонстрировалось противостояние идей евразийского обновления евро-американскому модернизму.

В противоположность раздробленности, теоретизации и рационалистической атомизации жизни на Западе, где «принцип личных свобод и индивидуального самоопределения, выдвинутый всеми европейскими революциями, с течением времени обратился в жесткий социальный индифферентизм, при котором судьба

и социальное положение каждого человека не гарантируется ничем, кроме него самого. И даже право на гражданство должно, в сущности, каждым завоевываться, и при этом в условиях всеобщей и беспощадной конкуренции, что должно утомлять и ожесточать не одних отсталых и выбитых из строя неудачников» [4, с. 325].

Естественно, что среди непрекращающейся жизненной тревоги и бесплодной социальной динамики в широких массах начинает возникать жажда социальной стабильности и искания иной системы, при которой личная судьба человека гарантировалась бы какой-либо обязательной и объективной инстанцией. В этом плане евразийские мыслители выступали за синтетический, целостный подход в анализе теоретической и практической сфер жизни человека, широко и глубоко разрабатывая понятие «симфоничности», способное гарантировать гармоничное сосуществование многообразия социальных общностей.

Если рассмотреть понятие «симфоническое», то мы видим в корне слово «симфония», этимология которого сводится к греческому слову «symphonia», что в переводе означает «гармония», согласие звуков, многогласное созвучие. В Древней Греции так называли приятное, гармоничное сочетание звуков, благозвучие¹. Использование евразийцами термина «симфоническое» не случайно. Не только потому, что в евразийском движении приняли активное участие музыкальные деятели, но и потому что симфоническое можно трактовать как в высшей степени гармоническое, универсальное. Понятие «симфония» глубоко философично, где «многогласное созвучие», «гармония» выступают характеристикой бытия, полноты бытия социального космоса человека.

Среди отечественных композиторов-симфонистов выделяются П.П. Сувчинский и С.С. Прокофьев, которые не только разделяли, но и активно разрабатывали идеи евразийства. У С.С. Прокофьева евразийское настроение особо чувствуется в работе «Скифская сюита», после премьеры которой Б.А. Асафьев написал автору следующее признание: «Склоняюсь перед

¹ Современное понимание термина «симфония», как правило, связано с симфоническим мышлением в музыке, в основе которого лежит диалектический принцип музыкального развития. Симфония, возникшая как самостоятельный жанр в XVIII веке в творчестве Гайдна, Моцарта, Бетховена, явилась музыкальным выражением понятийной диалектики Канта и гегелевского понимания законов развития самого мира как движения субстанции. Сам принцип диалектического мышления и есть симфоническое мышление в широком смысле, основанное на диалектической триаде: тезисантитезиссинтез. Среди музыкальных жанров симфония занимает одно из самых почетных мест и требует для полноценного восприятия особых условий, сосредоточенности сознания.

Вашим талантом могучим и, скажу даже, магическим, потому что через Вас неизмеримо сильно выражается именно эта первозданная стихия искусства, и музыки в особенности» [5, с. 104]. Композитор П.П. Сувчинский по поводу евразийства говорил следующее: «Евразийство учит правильному пониманию исторического процесса. В XIX веке учению о культуре было свойственно перерождаться в только научный и бездейственный историзм, являвшийся, таким образом, одной из форм выпадения из современности и замены исторического и культурного делания – познаванием истории культуры. Познавать можно лишь прошлое культуры, современность раскрывается лишь при установке на конкретно-действенное участие в ней. Характерной и неповторимой чертой евразийства является его современность, причем это качество одинаково определяет как евразийство в целом, так и идейно-психологический строй каждого его участника» [6, с. 330]. Это говорит о том, что евразийство является не только социально-политическим явлением, направленным на преобразование существующей действительности, но и охватило художественную сферу. Участие в данном движении музыкальных деятелей в значительной степени и определяет и расширяет горизонт нового видения будущего России.

Понятие «симфоническое» широко разрабатывается евразийцами как принцип, обеспечивающий гармоничное созвучие всех элементов социума, включая человека, общество, нацию, государство и мировоззренческую основу культурного наследия. Как отмечает С.С. Хоружий, «подход евразийства – подход морфологии культур, где в центре стоят вопросы их своеобразия, взаимодействия, смены, а история человечества представляется как жизнь сообщества автономных и обособленных культурных организмов. Давно замечали, что подобный подход тяготеет к пониманию каждой культуры или народа как особой личности» [7, с. 82]. В связи с этим понятие личности в евразийском учении предстает как многогранное и многоаспектное явление. Личностью с евразийской точки зрения является не только отдельный человек, но и народ. Она рассматривается как особая «симфоническая многоличностная, многонародная» личность.

Отметим, что при всей своей активной устремленности к политическим преобразованиям в данном философском течении заметны эстети-

ческие начала, на наш взгляд, выступающие в качестве мощного стимула к преобразованию несовершенной действительности. Можно сказать, что это – философия преобразования, целью которой стало достижение социальной гармонии, социальных идеалов симфоничности.

Как известно, эстетика – это философская наука о красоте, красоте в самом широком смысле слова, предстает как онтологическое основание, связанное с ценностным отношением человека к действительности, предстает как Гармония человека с Универсумом. Искусство, в частности музыка, является специфическим способом освоения и переживания полноты бытия, особым способом взаимодействия человека с миром [8, с. 292]. Неудивительно, что евразийцы, среди которых большую роль играли музыкальные деятели, были движимы идеей прекрасного, совершенного, гармоничного, пытались преобразовать современную им российскую действительность, а затем и весь мир. Тем самым возникает диалектика основных эстетических категорий: прекрасного и безобразного, совершенного и несовершенного в жизни людей, идеи гармоничного бытия и хаотичного состояния действительности.

Эстетизация мироустройства пронизывает практически все сферы деятельности евразийцев – социальную, культурную, мировоззренческую в целом. Можно сказать, что евразийцами движет поиск полноты бытия, отсюда и проистекает их стремление к преобразованию на основе идей, дающих надежду на гармоничное сосуществование человека и Универсума, человека и общества, общества и государства. Вслед за переименованием России в Евразию культурно-эстетическое пространство авторами «Исхода» также обозначается как «евразийское».

Идея «евразийского мира», например, родилась у П. Сувчинского при осмыслении проживания времени музыки, диалектики ноумена и феномена музыкальной формы, самораскрывающейся субстанции и феномена проживания музыкального времени – хроноса. Музыкальное время – это доступная человеческому сознанию форма бытования абсолютных значений, стоящих выше психологических переживаний. Музыка в онтологическом статусе есть ипостась космоисторической процессуальности, а музыкальный хронос есть доступная форма избывания субъективного и приближение ко Времени Абсолюта.

Через музыку мы имеем возможность просто «слышать Время». Человек, поглощенный частным, «психологическим» временем, часто не слышит «онтологическое» время как бытие подлинное. «Ведь совсем не обязательно быть поглощенным психологическим временем, пребывать внутри продвижения русской жизни, пытаться способствовать ее улучшению, – пишет П. Сувчинский. – Можно переместиться с уровня «времени психологического» на уровень «времени онтологического» и предлагать не частичные реформы и модификацию эстетического канона, а радикальное изменение самого взгляда на канон, революцию мышления» [6, с. 330].

Обращение евразийцев к Востоку, к восточным корням культуры и менталитета российского населения, по нашему мнению, также движимо устремлением к состоянию Гармонии, а именно к гармонизации глубинных основ и начал, идущих от Европы и Азии, Востока и Запада. Выбирается так называемый срединный путь, определяющий корни евразийской культуры. Эти корни находятся «в вековых соприкосновениях и культурных слияниях народов различнейших рас» [9, 302].

Известный философ Н.А. Бердяев при всем своем критическом отношении к евразийским идеям, определяя национальные особенности русской души, признавал, что русский народ по своей душевной структуре народ восточный, что Россия – это христианский Восток, который в течение двух столетий подвергался сильному влиянию Запада. Противоречивость русской души определялась сложностью русской исторической судьбы, столкновением и противоборством в ней восточного и западного элемента: «в России сталкиваются и приходят во взаимодействие два потока мировой истории – Восток

и Запад. Русский народ есть не чисто европейский и не чисто азиатский. Россия есть целая часть света, огромный Востоко-Запад, она соединяет два мира. И всегда в русской душе боролись два начала, восточное и западное» [10, с. 44].

Несмотря на многие положительные и светлые идеи, характерные для данного религиозно-философского течения, будущее не сложилось по евразийскому проекту устройства жизни общества и государства. Слабым моментом евразийцев, движимых хаокоsmическим порывом моделирования бытия общества и человека, оказалась чрезмерная идеализация своего проекта. Пропасть, разрыв между преобразующими идеями и практикой оказались слишком велики, в этом плане, как нам представляется, наблюдается трагизм, несбыточность духовных чаяний и надежд евразийского движения.

Резюмируя, отметим, что сам дух и настрой евразийского движения, выделение ценности идеалов «симфоничности» и Гармонии до сих пор притягивают наших современников. В данном духовном движении мы усматриваем устремленность к преобразованию мира согласно идеалу Гармонии и Совершенства, уникальность Евразии как особой цивилизации, евразийская идентичность взамен тотальной разобщенности, многополярность мира, антизападноцентризм.

Высокие идеи евразийской концепции в процессе поиска гармоничного равновесия в российском сообществе придают смысл и цель деятельности тем, кто отказывается воспринимать человека и человечество как механический конгломерат эгоистических машин потребления и наслаждения и считает, что у человека есть высшие задачи духовного содержания и идеального предназначения.

Список использованной литературы:

1. Бычков В.В. Эстетика. М.: Гардарики, 2006.
2. Лурье А. «Мы и Запад» // И. Вишневецкий. «Евразийское уклонение» в музыке 1920-1930-х годов: История вопроса. Статьи и материалы А. Лурье, П. Сувчинского, И. Стравинского, В. Дукельского, С. Прокофьева, И. Маркевича. М.: Новое литературное обозрение, 2005.
3. Трубецкой Н. «Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока» // Классика геополитики XX век, М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.
4. Сувчинский П.П. Новый «Запад» // И. Вишневецкий. «Евразийское уклонение» в музыке 1920-1930-х годов: История вопроса. Статьи и материалы А. Лурье, П. Сувчинского, И. Стравинского, В. Дукельского, С. Прокофьева, И. Маркевича. М.: Новое литературное обозрение, 2005.
5. Асафьев Б.В. Русская музыка XIX и нач. XX века. Л.: Музыка, 1979.
6. Сувчинский П.П. О современном евразийстве (1929) // И. Вишневецкий. «Евразийское уклонение» в музыке 1920-1930-х годов: История вопроса. Статьи и материалы А. Лурье, П. Сувчинского, И. Стравинского, В. Дукельского, С. Прокофьева, И. Маркевича. М.: Новое литературное обозрение, 2005.
7. Хоружий С.С. Карсавин, евразийство и ВКП // Вопросы философии 1992. №2. С. 78-87.
8. Коломиец Г.Г. Ценность музыки: философский аспект. М.: URSS, 2007.
9. Савицкий П.Н. Континент Евразия. М.: Знание, 2001.
10. Бердяев Н.А. Русская идея. М.: МП «Рарог», 1990.